

В тот день, когда Цзи Вань впервые увидел, как Шэнь Цзуна осаждают, настроение у него было не то чтобы хорошим — скорее, откровенно скверным. Он был человеком с небольшими эмоциональными колебаниями. Знакомые и друзья говорили, что он слишком холоден и отстранён, и из-за этого ему будет легко попасть впросак при работе с другими.

Выслушав добрые советы товарищей, Цзи Вань лишь улыбнулся. Со временем его характер почти не изменился, он по-прежнему поступал по-своему, за что в кругу друзей за ним закрепилась репутация высокомерного.

Отстранённый и надменный.

Цзи Вань считал, что его товарищи ошибались в нём: он был отстранённым не нарочно, а просто не знал, как подстраиваться и угождать.

Он, должно быть, и был тем самым «королём неловкого молчания». Группа людей могла мило беседовать, но стоило ему внезапно вставить слово, как повисала беспричинная тишина. Ему и самому это казалось удручающим, поэтому со временем он решил, что в одиночестве ему куда спокойнее, и несколько раз отклонил приглашения друзей.

После выпуска состоялась одна вечеринка, и Цзи Вань, поддавшись уговорам матери, нехотя согласился, наконец выйдя из своей драгоценной, так любимой им, библиотеки. А за библиотекой располагалась его самодельная, переоборудованная лаборатория по производству лекарств, где он пропадал целыми днями.

Унаследовав гены родителей, Цзи Вань с юных лет проявлял удивительный талант в фармацевтике. Он хотел посвятить себя этой профессии, но позже родители категорически запретили ему даже говорить об этом, сменили его специальность и вообще не позволяли заниматься этим делом, утверждая, что так будет лучше для него.

Желания Цзи Ваня во всех сферах — будь то отношения или материальные блага — были крайне слабы. Даже когда мать изменила его планы относительно учёбы, он не почувствовал сильного гнева. Мать и отец постоянно были заняты; сколько Цзи Вань себя помнил, всё его представление о них сводилось к тому, что они собирались вместе только по большим праздникам, раз в году.

Ребёнок из обычной семьи в такой обстановке мог бы закатить скандал или, что хуже, вырасти нелюбимым, бунтующим, намеренно совершающим плохие поступки, чтобы привлечь внимание родителей. Но всё это было чуждо Цзи Ваню. Он действовал осторожно, продуманно, а его повседневная жизнь была крайне неброской.

Дома была тётя, которая заботилась о его быте и питании; она была самым близким ему человеком. Иногда она советовала ему быть поживее, не выглядеть таким молодым аскетом, и предлагала завести друзей, которые, возможно, сделали бы его немного активнее.

Цзи Вань проявлял к этому мало интереса. Его жизнь всегда была размеренной и спокойной, он привык к одиночеству и не хотел, чтобы кто-то нарушал этот покой.

Воскресный полдень был пасмурным, и ещё до выхода пошёл мелкий дождь. Тётя бросилась на балкон собирать бельё, развешенное с вечера, и Цзи Вань ей немного помог.

Пока они собирали одежду, дождь внезапно усилился. Глядя на свинцовое небо, тётя наказала ему взять с собой куртку, чтобы надеть её вечером, когда он будет возвращаться с вечеринки, для защиты от холода.

В это промозглое весеннее время Цзи Вань был не в духе и лениво согласился.

Коммуникатор вибрировал от сообщений: товарищи уже выходили или переезжали с других площадок. Молодые люди были полны энергии и в это время года уже изо всех сил предавались развлечениям. Цзи Вань совершенно отличался от них. Когда время приблизилось, он взял куртку и бумажник и уехал на машине с водителем, который ждал у ворот.

Эту встречу организовал одноклассник с весьма серьёзным происхождением, с которым у Цзи Ваня не было никаких личных отношений. Однако тот был настолько влиятелен, что не прийти, получив приглашение, означало бы открыто проигнорировать его.

Против сильного не пойдёшь. К тому же, родители Цзи Ваня вели себя скромно, и по сравнению с влиянием семьи организатора, они не были даже «рукой». Его родители, похоже, имели какие-то дела с той семьёй, и Цзи Вань не хотел создавать им проблем или подводить их.

Придерживаясь мысли, что он просто пойдёт и поест, он прибыл на место. Зал, где звенели бокалы, ослепил Цзи Ваня. Он слишком долго пробыл прошлой ночью в лаборатории, мало спал и теперь был совсем без сил.

Цзи Вань устал улыбаться каждому встречному. Присутствовавшая молодежь состояла в лучшем случае из «второго поколения», а то и из «нескольких поколений» влиятельных семей — в общем, все были видными особами, которым не было дела до выражения лица такой мелкой сошки, как он.

С чистой совестью Цзи Вань нашёл себе тихий уголок, а затем стащил с фуршетного стола несколько пирожных и сок, чтобы поесть и утолить голод. Сначала ему было скучно, но, глядя на лица внизу, каждое из которых разыгрывало свою сценку, он внезапно нашёл это забавным. На его губах впервые промелькнула улыбка, словно он наблюдал интересную пьесу.

Говорили, что этот молодой господин, обладавший властью, был полон выдумок и любил весёлые игры, поэтому он также организовал развлекательную программу. Каждому при входе выдали браслет-цветок. Свой белый браслет Цзи Вань небрежно положил на стол, но, услышав, что на них есть номера, поднял, развернул и обнаружил цифру.

Он не придал этому значения. На вечеринке было так много людей, что вероятность быть выбранным для участия в игре была минимальной — уж точно не он.

Подумав так, Цзи Вань сделал несколько глотков сока. Неподалёку от него сидел какой-то молодой господин, обнимавший тёплое, мягкое сокровище, который, столкнувшись со случайным взглядом Цзи Ваня, слегка удивился его красоте и уже собирался что-то сказать, но Цзи Вань просто поднял стакан и ушёл.

С момента его последней течки не прошло и полутора месяцев, и, учитывая домашние лекарства, которые он принимал, по логике вещей, признаков жара течки не должно было быть как минимум в течение трёх месяцев. Неизвестно почему, но, кажется, в соке были какие-то примеси. Сегодня присутствовали представители всех полов: бет было мало, а омег — много, и атмосфера была очень игривой. Сок был в основном предназначен для омег, но Цзи Вань и подумать не мог, что кто-то добавит что-то в напитки.

Он развернул свой браслет, превратившийся в ленту, и стал вытирать ею жаркий пот, проступивший на лбу. Внезапно шум вокруг усилился — кто-то на сцене называл номера, но какой именно, Цзи Вань уже не мог расслышать.

Он спешил найти туалет, чтобы справиться с этой неожиданной ситуацией. Рука в кармане нащупала лекарство. Вырвать содержимое желудка, а затем принять таблетки — это решило бы проблему.

После всех поисков Цзи Ваню наконец удалось запереться в туалете. Здесь было тихо, и, поскольку снаружи шло мероприятие, он полагал, что никто здесь не задержится.

Сердце Цзи Ваня немного успокоилось. Вымыв руки, он засунул пальцы в горло, вызывая рвоту. Когда желудок был почти пуст, Цзи Вань ополоснул влажные уголки глаз, достал пузырёк и собрался проглотить таблетки.

Только он нащупал пузырёк, как чья-то рука резко пересекла его путь и перехватила лекарство. Горячее дыхание обожгло его шею. Цзи Вань вздрогнул от удивления и столкнулся взглядом с парой надменных и диких глаз.

В туалете оказался альфа.

Цзи Вань нахмурился. Осознавая преимущество противника в росте, но не желая уступать, он, преодолевая физический дискомфорт, сдержал эмоции и холодно, отстранённо произнёс:

— Верни мне это.

Шэнь Цзун был немного пьян, но аромат омеги, стоящего перед ним, очаровал его. Он редко поддавался такой одержимости каким-либо запахом. Может быть, из-за выпитого, но Шэнь Цзун не отпускал Цзи Ваня. Ненормально высокая температура тела Цзи Ваня заставила Шэнь

Цзуна немного отрезветь:

— У тебя жар?

И снова спросил:

— Течка?

Цзи Вань был очень раздражён. Он ненавидел, когда его тело выходило из-под контроля, а после того, как этот альфа схватил его, внутри появилось неясное, необъяснимое ощущение, словно что-то вот-вот вырвется из сдерживающей клетки.

— Отпусти, — потребовал Цзи Вань, не отрывая взгляда от своего пузырька с лекарством. — Верни мне это.

Если бы Шэнь Цзун отпустил, он не был бы Шэнь Цзуном. Младший сын семьи Шэнь был известен своей эксцентричностью. Он не только не отпустил, но и притянул омегу ближе, почти заставив его прижаться к своему телу:

— Ты кто такой?

Цзи Вань потянулся, пытаясь достать свой пузырёк, но Шэнь Цзун держал его одной рукой, а другую поднял выше.

Между альфой и омегой существовала огромная разница в физической силе и телосложении. Шэнь Цзун был почти на голову выше Цзи Ваня. Он наклонил лицо, прищурился и спросил:

— Раз уж у тебя течка, и твой запах мне так приятен, может, пойдёшь со мной?

Тон звучал как вопрос, но на самом деле Шэнь Цзун и не думал давать Цзи Ваню возможность сопротивляться.

Цзи Ваня полубобняли и увели. Его сердце колотилось как сумасшедшее, в ушах не утихал шум. Он строго и решительно требовал, чтобы Шэнь Цзун немедленно отпустил его. Шэнь Цзун и без того выпил много, а постоянные отказы Цзи Ваня только усиливали его внутренний жар, делая его всё более нетерпеливым.

— Не шуми.

Цзи Вань не прекращал бороться, пытаясь привлечь внимание окружающих.

Шэнь Цзун низко хмыкнул:

— Перестань, не устраивай сцен. Даже если я изнасилую тебя прямо здесь, никто не посмеет и

слова сказать.

У Цзи Ваня похолодело на сердце. Он понял, что его борьба и призывы о помощи уже привлекли внимание окружающих, но никто не собирался вмешиваться.

Он не знал, что за человек его удерживал; выглядел тот очень молодо. Но не успел Цзи Вань обдумать это, как неконтролируемый жар, поднимающийся в теле, стал уносить его сознание и разум.

А в этом кругу влиятельных семей все, увидев, как Шэнь Цзун уходит с вечеринки, неся на руках потерявшего сознание омегу, прекрасно поняли, что это значит.

<http://bllate.org/book/4/135>